

УДК 81'27

**ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ГРАММАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ
НЕПРЯМОЙ ПРОСЬБЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)****П.С. БАБКИНА***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Статья посвящена особенностям использования и интерпретации косвенных речевых актов с интенцией просьбы в китайском и русском лингвокогнитивном пространстве на основе рассмотрения наиболее частотной формы ее выражения – вопросительного предложения. В результате проведенного исследования в обоих языках были дифференцированы лингвистические средства реализации косвенного речевого акта просьбы в форме вопроса. На основе анализа материала исследования показано, что, несмотря на то, что и в китайском, и в русском языках наиболее употребительным непрямым способом выражения просьбы является вопросительное предложение, ряд способов выражения косвенных речевых актов просьбы в форме вопроса в русской лингвокультуре намного шире и многообразнее, нежели в китайском лингвокогнитивном пространстве. Помимо этого описаны причины выбора не прямой формы выражения просьбы в китайском и русском социокультурных пространствах.

Ключевые слова: *непрямая коммуникация, косвенный речевой акт, просьба, вопросительное предложение, русский язык, китайский язык.*

Введение. В повседневном речевом общении речевой акт просьбы является незаменимым и одним из наиболее употребительных. Однако способы выражения просьбы варьируются в зависимости от принадлежности участников коммуникации к той или иной лингвокультуре. Китайский лингвист Цзя Юйсинь утверждает, что «различия в жанре просьбы в разных культурах, по существу, представляют собой различия в степени косвенности и прямоте выражения» [1, с. 198]. В настоящем исследовании рассматриваются именно косвенные речевые акты с интенцией просьбы в русском и китайском лингвокогнитивном пространстве. Актуальность настоящего исследования связана с малоизученностью в китайском лингвокультурологическом пространстве такого явления, как не прямая коммуникация, а также с отсутствием сопоставления данного явления в китайской и русской лингвокультурах, что свидетельствует о научной новизне исследования. Интенсивный рост белорусско-китайского сотрудничества в различных сферах только усиливает необходимость исследования данного феномена в рамках межкультурного взаимодействия.

Особо важным при анализе косвенных речевых актов является представление об осложненной интерпретивной деятельности адресата речи, так как «непрямота» коммуникации состоит в дополнительной смысловой нагрузке высказывания. Природа косвенных речевых актов, а также проблемы способов их реализации и интерпретации находятся в центре внимания Дж. Р. Серля [2], Дж. Л. Остина [3], Формановской Н.И. [4], Н.Д. Арутюновой [5] и др. В соответствии с классификацией Дж. Серля, речевой акт просьбы относится к директивам, целью которых является побуждение адресата делать или же не делать что-либо [6]. Очевидным является то, что для представителей как русской, так и китайской лингвокультуры, важно достичь этой цели максимально эффективно, наиболее успешно оказав воздействие на адресата просьбы, не упуская из виду все элементы конкретной ситуации общения, национально-культурную специфику коммуникативного поведения, а также индивидуальные особенности участников коммуникации.

Целью данного исследования является выявление особенностей использования и интерпретации косвенных речевых актов с интенцией просьбы, а также причин обращения к не прямому выражению просьбы в китайском и русском лингвокогнитивных пространствах на основе рассмотрения наиболее частотной формы ее выражения – вопросительного предложения. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа, описательный метод, методы анализа и синтеза.

Для исследования косвенного речевого акта просьбы в русском и китайском лингвокультурном пространстве были рассмотрены 484 фрагмента текстов русскоязычных художественных произведений (тексты отобраны из национального корпуса русского языка [7]), 381 фрагмент текстов китайских художественных произведений (тексты отобраны из корпуса современного китайского языка [8]), также были использованы данные Большого китайско-русского словаря (大БКРС) [9].

Основная часть. В русском лингвокогнитивном пространстве просьбы, в большинстве случаев, представляют собой ситуации не прямой коммуникации. Неудивительно, что чаще всего адресант просьбы выбирает именно косвенную форму ее выражения, так как, с одной стороны, завуалированная форма своих интенций позволяет наиболее эффективно достигать поставленных целей, оказывая достаточное для этого влияние на собеседника, с другой стороны – это снижает угрозу «лицу» адресата, делает просьбу мягкой и тактичной. Также просьбы, выраженные косвенным способом, в русском лингвокультурном пространстве звучат более вежливо.

Как показал проведенный нами анализ, в русском языке существует целый ряд лингвистических средств, позволяющих выразить просьбу в завуалированной форме. Однако по количественному соотношению именно

вопросительные предложения (263 единицы из 484) занимают лидирующую позицию среди всех типов предложений, при помощи которых можно выразить просьбу непрямо. Это представляется логичным, так как вопросительная форма словно подчеркивает наличие выбора у адресата просьбы, снижает степень ее навязывания. Это позволяет сделать просьбу адресанта наиболее вежливой, необременительной. Рассмотрим более подробно все разнообразие лингвистических средств реализации косвенного речевого акта просьбы в форме вопроса:

1. Глагол совершенного вида в форме 2-ого лица будущего времени, обозначающий запрашиваемое действие:

– *Поможешь мне с тартаром? Мать сейчас придет, а я не приготовила.* (М. Трауб «Ласточ...ка») [7].

– *Ну, ты Малинин, – похвалил черноморец, протянул мне руку и назвался Игорем. – Научишь на гитаре играть?* (М. Елизаров «Госпиталь») [7].

– *Привет, Володя, – сказала она весело, – такая толпа, что я не знаю, как выбраться. Ты меня проводишь?* (Т. Устинова «Большое зло и мелкие пакости») [7].

Данный способ выражения просьбы фокусирует свое внимание на запрашиваемом действии, что подталкивает собеседника на его исполнение, но при этом вопросительная форма высказывания позволяет сделать это ненавязчиво. Все вышеприведенные примеры иллюстрируют тот факт, что подобный способ чаще всего встречается между людьми, состоящими в приятельских отношениях, также немаловажную роль играет то, что говорящий обращается к адресату просьбы на «ты». Стоит также отметить, что во всех вышеперечисленных примерах речь идет о незамысловатых, обыденных вещах. Все эти ситуации реализуются в рамках повседневно-бытового общения. Интересно, что если заменить вопросительный знак в данных предложениях на точку, то эти речевые акты из разряда просьб перейдут в приказы, которые, в свою очередь, не подразумевают наличия выбора у собеседника.

2. Глагол совершенного вида, обозначающий запрашиваемое действие, с отрицанием:

– *Галка, у меня беда. Где-то оставил свой портфель – ищущу-ищущу, а найти никак не могу. Ты мне не можешь?* (Г. Хованова «Среда обитания приличной девушки») [7].

– *Света, а вы нас чаем не угостите?* (А. Маринина «Последний рассвет») [7].

Данный способ выражения косвенной просьбы в русской лингвокультуре широко распространен в первую очередь за счет того, что отрицательная частица «не» перед глаголом подчеркивает то, что адресат просьбы может отказаться от ее выполнения.

3. Модальный глагол «мочь» + глагол, выражающий запрашиваемое действие:

– *Ты можешь немного помолчать?* (А. Геласимов «Ты можешь») [7].

– *Ты можешь приехать? – умоляюще говорил он в трубку.* (И. Муравьева «Мещанин во дворянстве») [7].

4. Модальный глагол «мочь» с отрицанием + глагол, выражающий запрашиваемое действие:

– *Твой импресарио прислал предложения, но у меня на фестивале нет таких денег. Не мог бы ты поговорить с ним, чтобы согласиться на меньшую сумму?* (С. Спивакова «Не все») [7].

– *Лидочка, не могли бы вы мне кефир принести и булочку калорийную? Очень вас прошу. И граммов двести сыра.* (М. Трауб «Замочная скважина») [7].

Данный способ реализации косвенного речевого акта просьбы в русском языке является одним из самых часто используемых. Согласно данным словарей (Малый академический словарь [10], Толковый словарь Кузнецова [11], Толковый словарь Дмитриева [12]) глагол «мочь» имеет значение 'быть в состоянии, в силах что-л. сделать', 'иметь возможность что-л. делать'. С нашей точки зрения, фигурирование данной лексики в большом количестве косвенных просьб связано именно с ее значением. Отрицательная частица перед ней, подчеркивая наличие альтернатив у собеседника, позволяет сделать непрямою просьбу максимально вежливой.

5. Вопросительные предложения с вводным словом «может»:

– *А может, научишь меня взять штатуна? – подвел я разговор к желаемой цели.* (В. Бурлак «Хранители древних тайн») [7].

– *Может, лучше холодильник новый? Наш-то уже морозит так, что я лед ножом отдираю.* (М. Трауб «Замочная скважина») [7].

Вводное слово «может», несущее оттенок вероятности, возможности, также позволяет преподнести просьбу в завуалированной форме. Стоит отметить, что высказывания с данным словом не только звучит довольно мягко, но и характеризуются некой спонтанностью, словно в голову адресанта неожиданно пришла хорошая идея решения некоей проблемы.

6. Безлично-предикативные слова (слова категории состояния) «можно» и «нельзя»:

+ инфинитив:

– *Кирилла Владимировича можно видеть? – спросил я.* (С. Воронин «Единственная ночь») [7].

– *Нельзя ли попросить у вас до завтра шесть рублей?* (С. Довлатов «Чемодан») [7].

+ объект просьбы:

– *Можно воды? – попросил он, и Соня, пожав плечами, пошла на кухню.* (С. Таранов «Мстители») [7].

– *У нее такой голос – вы себе не представляете, – кинулся к врачу Александр Маркович, – нельзя ли какое-нибудь обезболивание?* (М. Трауб «Плохая мать») [7].

+ наречие в сравнительной степени:

– *Вот это интересно... – пробормотал я. – Можно подробнее?* (О. Зайончковский «Счастье возможно: роман нашего времени») [7].

– *Нельзя ли потише, молодой человек?* (Е. Велтистов «Новые приключения Электроника») [7].

«Безличность» в данных примерах, реализующаяся посредством употребления безлично-предикативных слов, позволяет подчеркнуть «непрямоту» просьбы. Стоит отметить, что употребление слова категории состояния «нельзя» для непрямого выражения просьбы в русском языке обычно сопровождается частицей «ли». Также можно заметить, что в большинстве вышеупомянутых примеров отсутствуют обращения, а то из них, которое все-таки присутствует (*молодые люди*), придает высказыванию оттенок фамильярности, подчеркивает недовольство адресанта просьбы по отношению к сложившейся ситуации.

7. Вопрос о наличии объекта просьбы:

– *У вас есть спички? У меня отобрали зажигалку во время посадки в самолет.* (Ч. Абдуллаев «Мистерия эпохи заката») [7].

– *Не найдётся ли у тебя сотни для старого друга? – довольно развязно поинтересовался он.* (В. Белоусова «Второй выстрел») [7].

– *У вас сигареты не найдется? – спросила она у курящего рядом мужчины.* (М. Трауб «Плохая мать») [7].

В русском лингвокогнитивном пространстве вопросы о наличии объекта просьбы встречаются довольно часто, особенно между близкими людьми в бытовой обстановке. Н.И. Формановская отмечает, что применительно к незнакомым коммуникантам количество подобных фраз ограничено, так как «все-таки “вопрос” о наличии какого-либо предмета у незнакомого человека не совсем удобен» [13, с. 72]. Также немаловажным является тот факт, что ответ на косвенную просьбу, выраженную таким способом, часто сопровождается непосредственным действием (вручение адресанту запрашиваемого предмета, сообщение времени и др.). И в подавляющем большинстве случаев именно немедленная реализация запрашиваемого действия и является ответом на просьбу, не требующим вербального оформления. Помимо этого, подобные просьбы характеризуются такой особенностью, как «здесь и сейчас», так как между озвучиванием просьбы и ее осуществлением обычно проходит лишь несколько секунд.

8. Предложения с вопросительным сочетанием «А что если»:

– *А что если я временно оставлю тебе кота?* (В. Белоусова «Второй выстрел») [7].

– *Ада, а что если я попрошу приходить ко мне?* (А.И. Слаповский «Большая Книга Перемен») [7].

Вышеприведенные высказывания, как и высказывания с вводным словом «может», обладают оттенком внезапности, спонтанности. Интересно, что на самом деле адресант просьбы может думать о ней задолго до своего обращения к собеседнику, однако ее форма все равно будет позволять ей оставаться непринужденной.

9. Выражения «Вам не трудно» и «Вас не затруднит» + глагол, выражающий запрашиваемое действие, в форме инфинитива:

– *Володя, – робко сказал он, – вам не трудно принести мне чаю?* (В. Рецпер «Ностальгия по Японии») [7].

– *Тетья Ниночка, если мне позвонят, вам не трудно будет меня позвать?* (Т. Моспан «Подиум») [7].

– *У нас есть карта города. Вас не затруднит на ней показать? – проговорил водитель извиняющимся тоном и вытащил из машины дорожную схему.* (И. Павская «Джоконда») [7].

Данные косвенные просьбы звучат в высшей степени вежливо и деликатно. Их адресанты, используя слова *трудно*, *затруднять*, словно входят в положение своих собеседников, подчеркивают вынужденность обращения к ним за помощью, а также осознание существования их личных дел и обстоятельств. Любопытно, что вопросительные конструкции с данными лексемами могут выступать в роли речевого акта просьбы только при условии употребления перед ними отрицательной частицы «не».

Все вышесказанное говорит о том, что в русском языке способы выражения косвенных речевых актов просьбы в форме вопросительного предложения богаты и разнообразны, а причины, по которым представитель русской лингвокультуры выбирает непрямую форму реализации речевого акта с интенцией просьбы, связаны в первую очередь со стремлением говорящего успешно достичь поставленных целей, но при этом сделать это тактично, соблюдая правила вежливости.

Что касается китайского лингвокогнитивного пространства, не прямое выражения просьбы связано со стремлением китайцев при общении как можно меньше причинить беспокойства собеседнику, выразить свое уважение к нему, не создавая угрозы «лицу» адресата просьбы. С точки зрения китайского речевого этикета, просьба должна выражаться очень вежливо, в мягкой, но в то же время убедительной форме [14, с. 250]. Китайский менталитет требует, по возможности, избегать прямых форм выражения просьбы. Обращаясь с просьбой к другому человеку, китайец очень часто заранее выражает свою благодарность, а также подчеркивает вынужденность, а не просто желание обращения за помощью к собеседнику.

Строгие дифференциально-социальные отношения, которые имеют давние традиции, оказывают огромное влияние на выбор способа выражения адресантом его интенциональных состояний. Интересно, что китайцы в контексте своей традиции, обращаясь к своим коллегам (равноправным) в официальной обстановке, используют не прямые способы выражения своих просьб, в то время как в неофициальной обстановке они, наоборот, часто выбирают прямую просьбу, чтобы подчеркнуть близость между ними, приятельские отношения [15, с. 2].

Анализ материала исследования показал, что в китайском языке, как и в русском, наиболее частотной формой выражения косвенной просьбы является вопросительное предложение (203 единицы из 381). Рассмотрим более подробно ряд вопросительных структур реализации косвенного речевого акта с интенцией просьбы в китайской лингвокультуре:

1) ...能不能... ? ('...можешь или не можешь...?'):

你能不能用最通俗的话给我解释呢? 'Ты не мог бы объяснить мне это общедоступным языком?' (建安 «爱因斯坦和他的院士们») [8].

能不能给她一个补考的机会? 'Можно ли дать ей шанс для пересдачи?' (陈耘、赵明 «年青的一代») [8].

我现在沧州工作·生活上不适应·您看能不能调到北京来? 'Я сейчас работаю в Цанчжоу, я не адаптировался к жизни здесь, вы не могли бы перевести меня в Пекин?' (马雨农、王武 «林巧稚传») [8].

你能不能支持得住呢? 'Ты можешь поддержать меня?' (丘东平 «第七连») [8].

Выбирая вышеприведенную грамматическую конструкцию для выражения просьбы, адресант снижает степень ее навязывания, так как сама форма ее выражения подчеркивает наличие выбора у адресата просьбы. В китайском языке существует еще несколько вариантов вопросительных структур с использованием модального глагола 能 'мочь':

2) 能...吗? ('можешь...?')

你能给我搞一张票吗? 'Ты можешь достать мне билет?' (大БКРС) [9]

你能帮我通融一下吗? 'Вы не могли бы сделать для меня исключение?' (大БКРС) [9].

你能帮帮忙吧? 'Ты можешь помочь?' (李新民 «第一个春天») [8].

3) 能否...? ('можно или нет...?'):

我本不愿如此, 但可否烦请您去看一看他? 整个典礼都在等待他的出席。'Не хочу причинять вам беспокойство, но не могли бы вы позвать его? Все только его и ждут'. (大БКРС) [9].

Все вышеприведенные примеры с употреблением модального глагола 能 'мочь' отличаются лишь способом построения вопроса. Первая и последняя структуры (... 能不能 ...; 能否 ...) представляют собой утвердительно-отрицательный тип вопроса, во второй же (能 ... 吗?) используется вопросительная частица 吗. Стоит отметить, что при переводе данных конструкций на русский язык лучше использовать выражения 'Не могли бы вы...? / Вы можете...? / Можно ли...?', избегая дословного перевода 'Вы можете или не можете...?'. Последнее высказывание в определенном контексте может расцениваться носителем русского языка как упрек. Сравните: 'Ты мог бы меня выслушать?' и 'Ты можешь или не можешь меня выслушать?'

Кроме глагола 能, для реализации не прямой просьбы в китайском языке также могут использоваться вопросительные предложения с модальным глаголом 可以, который тоже переводится как 'мочь'. Тонкое различие между этими двумя глаголами заключается в том, что 能 также передает значение 'быть в состоянии; уметь', а 可以 – 'можно, дозволено'. Однако и 能, и 可以 могут использоваться для выражения просьбы, как и для выражения возможности и вероятности событий, а также позволения. Рассмотрим косвенные просьбы с модальным глаголом 可以:

4) 可以...吗? ('можно...?')

我要外出一段时间·这些书可以寄放在你那里吗? 'Мне нужно уехать на некоторое время. Могу я оставить эти книги у тебя?' (大БКРС) [9].

我明天可以早点下班吗? 'Могу ли я завтра пораньше уйти с работы?' (大БКРС) [9].

可以借个火吗? 'Огоньку не найдется?' (досл. 'Можно ли прикурить?') (大БКРС) [9].

В данных примерах модальный глагол 可以, который употреблялся с личным местоимением 我 'я', переводится на русский язык глаголом мочь в форме 1-ого лица единственного числа, в отличие от модального глагола 能, который сочетался с местоимением 你 'ты' и переводился таким же глаголом мочь, однако уже в форме 2-ого лица единственного числа. Другими словами, используя глагол 可以, говорящий применяет «Я-ориентированную» структуру для выражения просьбы, что придает высказыванию наличие оттенка позволения, возможности осуществления некоего действия адресантом просьбы, безусловно, при содействии ее адресата. В то время как употребление глагола 能 в ситуации просьбы подразумевает использование «Вы-ориентированных» структур, акцентируя все внимание на адресате просьбы. Все это еще раз подчеркивает наличие тонкой семантической грани между этими двумя глаголами. Кроме того, модальный глагол 可以 с вопросительной частицей 吗 может использоваться в заключительной части предложения, в основной части которого описывается запрашиваемое адресантом просьбы действие, желаемое развитие событий:

5) ...,可以吗? ('..., можно?')

同您谈几句话, 可以吗? 'Можно ли вас попросить на пару слов?' (досл. 'Обменяюсь с вами парой слов, можно?') (大БКРС) [9].

Стоит обратить внимание, что при переводе подобных конструкций с китайского языка на русский стоит руководствоваться правилами последнего, учитывая также ряд экстралингвистических факторов, с целью избежать дисгармонии в оформлении и понимании подобных высказываний.

Рассмотрим еще один глагол для выражения просьбы в китайском языке – 行 ‘*быть возможным, годиться*’, который может употребляться в конце предложения с вопросительной частицей 吗 либо представлять собой утвердительно-отрицательную структуру, образованную путем разделения продублированного слова отрицательной частицей 不:

6) ..., 行不行? (‘..., можно ли? годится?’)

我有一些事情想请你们帮忙。不知行不行? ‘У меня есть несколько дел, в которых я хотел бы попросить вас о помощи, даже не знаю, можно или нет?’ (邓毅富 «来自戒毒所的报告») [8].

7) ..., 行吗? (‘..., можно? идет?’)

宽限几天行吗? ‘Можно ли отсрочить дедлайн на несколько дней?’ (大BKPC) [9].

托你办件事儿行吗? ‘Могу ли я попросить тебя сделать мне одолжение?’ (大BKPC) [9].

早一点不行吗? ‘Нельзя ли немного пораньше?’ (王余杞 «不幸的消息») [8].

В последнем примере показано, что вопросительная структура с глаголом 行 может использоваться и с отрицательной частицей 不, что можно перевести на русский язык безлично-предикативным словом «нельзя» с частицей «ли».

Одним из самых распространенных способов выражения просьбы в форме вопроса в китайском языке, по своей структуре и сути близком к использованию предыдущего глагола 行, является использование в конце предложения наречия 好 ‘*хорошо*’ с вопросительной частицей 吗 либо в составе утвердительно-отрицательной структуры 好不好 ‘*хорошо или нет?*’:

8) ...好吗? (‘..., хорошо?’)

帮个忙好吗? ‘Поможешь, хорошо?’ (大BKPC) [9].

你帮我把机器拾掇一下好吗? ‘Ты сможешь мне починить машину, хорошо?’ (大BKPC) [9].

你送我回家, 好吗? ‘Ты отвезешь меня домой, хорошо?’ (徐小蛮 «霓裳羽衣舞») [8].

9) ...好不好? (‘..., хорошо или нет? ладно?’)

读给我们大家听听好不好? ‘Ты прочтешь нам всем вслух, хорошо?’ (吴天 «子夜») [8].

你先别同他们说好不好? ‘Прежде всего, не разговаривай с ними, хорошо?’ (陈绵 «候光») [8].

Помимо вышеуказанных способов, в китайском языке, как и в русском, просьбу можно выразить непрямо в форме вопроса о наличии ее объекта. Данный способ реализуется в китайском языке посредством использования глагола 有 ‘*иметь, обладать*’ в составе утвердительно-отрицательного вопроса или вопроса с вопросительной частицей 吗:

10) 有没有 ...? (‘есть или нет ...?’)

你有没有铅笔? ‘У тебя есть карандаш?’ (大BKPC) [9].

一块钱你有没有? ‘У тебя есть один юань?’ (阿累 «一面») [8].

11) 有 ... 吗? (‘есть...?’)

你有钱吗? ‘У тебя есть деньги?’ (李式清 «戒指») [8].

你有劈柴吗? ‘У тебя есть колотые дрова?’ (师陀 «无望村的馆主») [8].

Как можно заметить, несмотря на то, что вопросительные предложения являются самой частотной формой непрямого способа выражения просьбы в китайском языке, моделей их реализации имеется довольно ограниченное количество, находясь в пределах использования нескольких модальных глаголов и лишь в определенных грамматических рамках, что связано с принадлежностью китайского языка к изолирующему типу.

Заключение. Таким образом, представители и русского, и китайского лингвокультурных пространств в ситуации просьбы чаще всего прибегают к использованию средств не прямой коммуникации. Непрямое выражение просьбы в обеих лингвокультурах считается более вежливым. Завуалированная форма речевого акта просьбы способствует благоприятному течению коммуникации, успешному достижению поставленных целей, снижению конфликтности. «Непрямота» позволяет учитывать не только стремления адресанта просьбы, но и интересы слушающего, что позволяет делать просьбу ненавязчивой, но при этом эффективной, не создавая угрозы «лицу» коммуникантов. И в китайском, и в русском языках наиболее употребительным непрямым способом выражения просьбы является вопросительное предложение. Однако, как показало проведенное исследование, ряд

способов выражения косвенных речевых актов просьбы в форме вопросительного предложения в русской лингвокультуре намного шире и разнообразнее, нежели в китайском лингвокогнитивном пространстве. В последнем модели непрямого выражения просьбы в форме вопроса характеризуются большей традиционностью и единообразием, в то время как носители русского языка более «свободны» в оформлении своих интенций. Все вышесказанное связано не только с национально-специфическими особенностями речевого поведения в данных культурах, но и с типологическими особенностями каждого из языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. 贾玉新. 跨文化交际学 / 贾玉新. – 上海: 上海外语教育出版社, 1997. – 532 页. = Цзя Юйсинь. Межкультурная коммуникация / Цзя Юйсинь. – Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам, 1997. – 532 с.
2. Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 195–222.
3. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 98–132.
4. Формановская, Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
6. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 170–194.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа: 27.10.2021.
8. 现代汉语语料库 (Корпус современного китайского языка) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx>. – Дата доступа: 10. 11. 2021.
9. 大БКРС (Большой китайско-русский словарь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/>. – Дата доступа: 25.10. 2021.
10. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
11. Большой толковый словарь русского языка: [БТС : А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. – М.: Астрель; АСТ, 2003. – 1582 с. (Словари Академии Российской).
13. Формановская, Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1984. – № 6. – С. 67–72.
14. 沈志. 请求言语行为 / 沈志 // 广西大学学报. – 2008. – №5. – 250–252 页. = Шэнь Чжи. О речевом акте просьба / Шэнь Чжи // Вестник Гуансиского ун-та. – 2008. – № 5. – С. 250–252.
15. Юй Юань. Сопоставительное описание этикетного речевого жанра просьба в русском и китайском языках / Юй Юань // Язык и социум: материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 дек. 2010 г., Минск. В 3 ч. / Редкол.: Л.Ф. Гербик (отв. ред.) – Минск: БГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 181–185.

REFERENCES

1. Jia Yuxin. (1997). *Intercultural Communication*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese).
2. Searle, J. (1986). Kosvennyye rechevye akty. In B.Yu. Gorodetsky (Ed.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII. Teoriya rechevyh aktov*, (195–222). Moscow: Progress. (In Russ.).
3. Austin, J. (1986). Slovo kak dejstvie. In B.Yu. Gorodetsky (Ed.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII. Teoriya rechevyh aktov*, (98–132). Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Formanovskaya, N.I. (1989). *Rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Arutyunova, N.D. (1985). Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, problems and categories of pragmatics]. In E.V. Paducheva (Ed.), *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika*, (21–38). Moscow: Progress. (In Russ.).
6. Searle, J. (1986). Klassifikaciya illokutivnyh aktov. In B.Yu. Gorodetsky (Ed.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII. Teoriya rechevyh aktov*, (170–194). Moscow: Progress. (In Russ.).
7. National corpus of the Russian language. [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>. (In Russ.).
8. The Modern Chinese Language Corpus. [Electronic resource]. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx>. (In Chinese).
9. 大 BKRS (*Big Chinese Russian Dictionary*) [Electronic resource]. URL: <https://bkrs.info/>. (In Russ.).
10. Evgen'eva, A.P. (Ed.). (1981–1984). *Slovar' russkogo yazyka*: In 4 Vol. Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.).
11. Kuznecov, S.A. (Ed.). (2004). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [*The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*]. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
12. Dmitriev, D.V. (Ed.). (2003). *Tolkovij slovar' russkogo yazyka* [*Explanatory dictionary of the Russian language*]. Moscow: Astrel'. (In Russ.).
13. Formanovskaya, N.I. (1984). Sposoby vyrazheniya pros'by v russkom yazyke (pragmaticheskij podhod). In *Russkij yazyk za rubezhom*, (67–72). Moscow: Russkij yazyk. (In Russ.). URL: <http://www.pushkin.institute/science/publikacii/detail.php?ID=23572>.

14. Shen Zhi. (2008). In *Journal of Guangxi University*. (250–252). Nanning: Philosophy and Social Sciences Edition. (In Chinese). URL: <http://www.cqvip.com/qk/91403x/2008z1/1000542458.html>.
15. Yu Yuan. (2011). Sopotavitel'noe opisanie etiketnogo rechevogo zhanra pros'ba v russkom i kitajskom yazykah [Comparative description of the etiquette speech genre, request in the Russian and Chinese languages]. In L.F. Gerbik (Ed.), *Yazyk i socium. [Language and society]*, (181–185, Pat. 2). Minsk: BSU. (In Russ.).

Поступила 17.12.2021

INTERROGATIVE SENTENCE AS A GRAMMATIC WAY OF EXPRESSING AN INDIRECT REQUEST (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)

P. BABKINA

The article is devoted to the peculiarities of the use and interpretation of indirect speech acts with the intention of request in the Chinese and Russian linguistic and cognitive space based on the consideration of the most frequency form of its expressing – an interrogative sentence. As a result of the study the linguistic means of implementing the indirect speech act of request in the form of question were differentiated in both languages. Based on the analysis of the research material, it is shown that, despite the fact that both in Chinese and in Russian the most common indirect way of expressing request is an interrogative sentence, the number of ways of expressing indirect speech acts of request in the form of question in the Russian linguistic and cultural space much wider and more diverse rather than in the Chinese linguistic and cognitive space. In addition, the reasons for choosing an indirect form of expressing request in the Chinese and Russian social and cultural space are described.

Keywords: *indirect communication, indirect speech act, request, interrogative sentence, the Russian language, the Chinese language.*